

До 19:45

История Александра Калинина

Марк Вельский

Марк Вельский

До 19:45

«Автор»

2026

Вельский М.

До 19:45 / М. Вельский — «Автор», 2026

Апрель 1945 года. Война ещё продолжается. В секретной немецкой лаборатории происходит невозможное: учёные создают установку, способную получать сообщения из будущего. Сначала это кажется величайшим военным преимуществом. Узнать завтрашний день — значит изменить сегодняшний: избежать поражения, спасти технику, выбрать другой путь и получить шанс переломить ход войны. Но будущее нельзя покорить так просто. Каждое новое сообщение становится частью опасной игры, где один выбор меняет судьбу тысяч людей. Советский разведчик Александр Калинин оказывается внутри этой борьбы. Его история — собирательный образ миллионов людей, которые в годы войны делали свой выбор ради будущего страны и тех, кто придёт после них. «До 19:45» — фантастический военный роман о цене выбора, времени и людях, которые в самый тяжёлый момент сделали то, что должны были.

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Завтрашняя дата	6
2. Подпись	9
3. Белый камень	12
4. Четвёртый стул	14
5. Пустой склад	17
6. Сначала прочти	20
7. Два журнала	23
8. Нина пишет	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марк Вельский

До 19:45

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

До 19:45

Роман

1. Завтрашняя дата

Четырнадцатого апреля Франц Келлер записал на бланке пятнадцатое, зачеркнул и тут же написал его снова.

— Вы устали? — спросил Рихтер.

Радист не ответил. Прижимая наушник к уху, он выводил цифры, оставлял промежуток, выводил следующие. Бумага под правой рукой медленно уходила к краю стола. Келлер подвинул её локтем и едва не опрокинул чашку.

Вебер успел поймать чашку. Кофе перелился ему на пальцы.

— Не мешайте ему.

Майор посмотрел на инженера, потом на настенные часы. Девятнадцать сорок четыре. Секундная стрелка двигалась рывками. За бетонной перегородкой тяжело работал генератор, и от каждого его толчка на поверхности кофе появлялась маленькая складка.

Рихтер ждал здесь второй вечер. Вчера ему предъявили температуру воздуха, показания приборов и обрывок сообщения без конца. Всё это, по его мнению, можно было получить из соседней комнаты. Сегодня он велел разъединить внешние линии и оставил возле вводного щита своего человека.

На стол легла бумажная лента. Келлер положил рядом исписанный бланк.

— Первая линия. Дата та же.

— Какая та же?

— Пятнадцатое.

Рихтер взял лист, но Вебер придержал его за угол.

— Сначала контроль.

— Вы мне уже объясняли.

— Тогда дайте закончить.

Инженер открыл журнал, сравнил отметки. Поднёс ленту к лампе. У него были красные глаза и мокрый рукав; кофе он так и не вытер. Профессор Фогель стоял у стены, положив обе ладони на спинку стула, и наблюдал за ними с видом человека, который давно хотел вмешаться, но обещал себе не делать этого.

На четвёртом месте сидел русский пленный.

Его привели из столойной комнаты полчаса назад. Он всё ещё держал между большим и указательным пальцами маленькую щепку, вынутую из ладони. Солдат за его спиной велел положить руки на стол. Пленный положил. Щепка осталась на тёмном дереве.

Рихтер заметил её и почему-то подумал, что уборщицу сюда больше не пускают.

— Готово, — сказал Вебер.

Келлер передал ему перевод условных групп. Текст занял меньше трёх строк:

«ПЯТНАДЦАТОГО СКЛАД У ВЕТКИ ПОРАЖЁН. ВЫВЕСТИ ЛЮДЕЙ И БОЕЗАПАС ДО УТРА».

— Какой склад? — спросил Рихтер.

— Наш, — ответил Фогель. — У железнодорожного ответвления.

— Я знаю, где он. Почему именно наш?

Келлер указал на цифровую группу в заголовке. Служебное обозначение объекта было верным. Рихтер сам утвердил его позавчера.

— Кто передавал?

— Первая линия, — повторил радист.

— Я спрашиваю фамилию.

Вебер вытер ладонь о носовой платок.

— Моя линия.

Майор посмотрел на его мокрый рукав.

— Вы стояли передо мной.

— Да.

За перегородкой изменился звук генератора. Пленный поднял голову. Он смотрел не на офицеров, а на ящик с катушками, откуда тянулся тонкий провод к его месту. Солдат коснулся прикладом ножки стула, и русский снова опустил глаза.

Рихтер перечитал предупреждение. На складе находились не только боеприпасы охраны: туда накануне поставили машины проходившей части. Если выгонять их ночью, требовалось освобождать дорогу, искать водителей, объяснять чужому командиру, почему тот должен отменить уже согласованную стоянку.

— Это может быть предупреждение об обычном налёте.

— Может, — сказал Вебер.

Фогель резко повернулся к нему.

— Эрнст.

— Он прав. По одному сообщению нельзя решить, откуда оно пришло.

— Вчерашний опыт...

— Вчера у нас не было независимого подтверждения.

Рихтеру впервые понравился инженер. Профессор предлагал ему поверить; этот хотя бы понимал, чего просит.

— Значит, пока перед нами неизвестный источник, — сказал майор. — Возможно, противник.

— Возможно.

— И он хочет, чтобы я передвинул склад.

— Он сообщает, что склад будет поражён. Решение о перемещении принимаете вы.

Рихтер поднёс лист ближе к лампе. Буквы Келлера были тесными и ровными, а последнее слово сжалось у поля. На бланке не хватило места для «утра», и радист дописал его ниже. Майор раздражённо расправил угол.

Рядом с первым приёмником лежали ещё три ленты. Все четыре аппарата работали в одно окно; Келлер разбирал записи по очереди.

Он придвинул лампу и развернул вторую ленту. Теперь никто не говорил. Даже Фогель отпустил спинку стула, которую всё это время сжимал.

Второе предупреждение касалось дороги: колонна у белого камня попала под огонь. Затем пришла короткая запись для механика Ланга — о подшипнике, который ещё работал и должен был заклинить завтра к полудню. Ланг прочёл перевод, сердито пошевелил челюстью и попросил разрешения проверить масло сейчас.

Последней разобрали запись четвёртой линии.

Пленный сидел прямо. По выражению его лица нельзя было понять, слышит ли он что-нибудь, кроме гула. Келлер перенёс несколько групп на бланк. Получилось сообщение о переправе к югу от комплекса.

Рихтер забрал все четыре листа.

— Сколько человек знает обозначение склада?

— Здесь — семеро, — сказал Фогель. — И в вашем штабе.

— Значит, не семеро.

У двери ждал капитан Брандт. Рихтер подозвал его, велел сверить список допущенных и выяснить, кто имел доступ к условным наименованиям. Брандт не взглянул на профессора. Достал маленькую записную книжку и уточнил, касается ли проверка военных связистов.

— Всех.

Пленного подняли со стула. Он не сразу разогнул пальцы левой руки. Солдат поторопил его, ухватив за локоть, но русский сам высвободился — осторожно, не делая резкого движения.

Когда они вышли, Вебер поднял со стола оставшуюся щепку и бросил в корзину.

— Вы собираетесь вывозить склад? — спросил Фогель.

Рихтер уже стоял у телефона.

— Я собираюсь переместить боезапас из помещения, координаты которого, возможно, известны противнику.

Профессор кивнул, будто именно это и предлагал.

Майор дождался соединения. На другом конце долго искали нужного офицера. В трубке стучала машинка, кто-то требовал освободить линию. Потом недовольный голос сообщил, что транспорт будет только после полуночи.

— Дайте после полуночи, — сказал Рихтер. — Людей вывести сейчас.

Он положил трубку и снова посмотрел на зачёркнутую дату.

— Завтра вечером, Вебер, вы расскажете мне, что именно отправили сегодня.

— Завтра я смогу рассказать, что отправлю завтра.

— Не начинайте.

Инженер промолчал. Рихтер сложил бланки, сунул их в планшет и вышел проверять погрузку.

2. Подпись

Калинин вытащил письмо из подкладки, когда Павел отвернулся к двери.

Бумага стала мягкой на сгибах. Одно слово протёрлось почти насквозь, и Александр каждый раз придерживал это место пальцем, хотя давно помнил, что там написано. Сначала он развернул нижний край.

«Твоя Нина».

Только после этого начал читать с первой строки.

— Опять? — спросил Павел, не поворачиваясь.

— Ты смотри.

— Я смотрю. Ты каждый вечер разворачиваешь. Что там нового?

— Ничего.

Из коридора тянуло варёной брюквой и мокрой одеждой. В столярной было теплее, чем в бараке: за стеной шли трубы, которые приходилось закрывать деревянными щитами. Один щит Калинин ещё не закончил. На верстаке лежали три одинаковые планки и четвёртая, испорченная Павлом.

Нина писала, что достала гвозди. Хорошие, не ржавые. Сосед обещал поправить ставню, но пришёл, посмотрел и сказал, что после такой работы только переделывать целиком. Александр знал соседа и по этим словам почти слышал его голос.

Дальше шло про работу, про женщину, которая заняла очередь, а потом ушла на полдня и всё равно хотела встать первой. Нина не пустила. Александр улыбнулся: конечно, не пустила.

«Стол твой стоит. Если ты думаешь, что я забыла, то зря. Сундук каждый раз двигать тяжело, а кушать на двух табуретках мне надоело. Приедешь, сперва доделаешь, потом будешь рассказывать, как занят».

Он читал эту строчку медленнее остальных.

Письмо пришло перед последним выходом. В тот вечер Егоров принёс сразу несколько треугольников, отсортированных по фамилиям. Калинин сердился, что радист долго возится с укладкой станции, а потом, увидев почерк Нины, забыл и станцию, и самого Егорова. Теперь ему было неприятно это вспоминать. Коля остался у землянки, с раскрытой сумкой на коленях. Александр прошёл мимо и даже не сказал спасибо.

— Спрячь, — тихо произнёс Павел.

Калинин поднял голову.

В коридоре шли двое. Один тяжело ставил каблуки, другой шаркал. Они остановились за дверью, поговорили и пошли дальше. Александр убрал письмо, разгладил куртку. Павел ещё немного прислушивался.

— Не надо здесь читать, — сказал он. — Увидят — заберут.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Калинин взял испорченную планку.

— Вот это зачем?

Павел посмотрел на неё.

— Отмерил.

— От какого конца?

— От этого.

— Здесь скол. Я же показал.

Он приложил планку к соседней. Разница была небольшая, но щель вышла бы заметной. Павел потянулся за пилой. Александр забрал её раньше.

— Дай, сам.

Павел сел на край верстака и молча смотрел, как он работает. От этого взгляда Калинин начал пилить слишком быстро. Полотно зажало. Пришлось остановиться, вытянуть его и начать ровнее.

До войны за ним водилось то же самое. Чужую медленную работу он терпел хуже, чем собственную усталость. Мог задержаться допоздна, переделывая за учеником ножку стула, а потом дома объяснять Нине, что иначе нельзя было. Нина спрашивала, когда ученик научится, если Александр всё за него делает. Он отвечал, что завтра.

— Остальные сам отрежешь, — сказал Калинин.

Павел пожал плечами.

— От целого края. Здесь начни.

Он положил перед ним пилу. Тот взял её не сразу.

— Я тебе не мальчик.

— Вижу.

Павел был всего на несколько лет старше, но плохо сохранившиеся зубы и глубокие складки у рта делали его пожилым. Он говорил по-русски без некоторых окончаний; когда сердился, переходил на польский. Немецкий знал лучше Калинина и иногда переводил ему распоряжения, прежде чем охранник успевал рассердиться.

С улицы донёсся скрежет железа. Потом второй. Павел подошёл к высокому окну, встал на носки.

— Грузят.

— Что?

— Ящики. Со склада у ветки.

Калинин положил рубанок. Четыре короткие передачи всё ещё стояли у него в ушах. В первой говорилось о пятнадцатом числе. Он понял не всё, но слово «утро» Келлер произнёс, когда читал офицеру расшифровку, и русский перевод ему не понадобился.

— Сегодня четырнадцатое? — спросил Александр.

Павел обернулся.

— Ты каждый день спрашиваешь.

— Сегодня?

— Четырнадцатое. Я чёрточки делаю.

За шкафом, под нижней полкой, Павел отмечал дни кусочком угля. Калинин не смотрел туда без нужды. Ему не нравилось считать, сколько он уже здесь.

— С рабочими машинами можно уйти, — сказал Павел. — Пока темно. На разгрузке нас меньше смотрят.

— Меня не выпустят.

— А если вместе?

Калинин показал левое запястье. На коже остались две узкие полосы. Не рана — след от металлического держателя. После сеанса руку отпускало не сразу, пальцы приходилось разгибать другой ладонью.

— Им опять нужен будешь? — спросил Павел.

— Видишь же.

Тот посмотрел на часы над дверью. Часы давно стояли; кто-то снял с них маятник. Павел всё равно смотрел на них по привычке.

— Тогда завтра.

Александр хотел сказать, что завтра может быть поздно, и не сказал. Он пока не знал, для чего поздно. Сбежать хотелось сейчас, настолько сильно, что за окном он видел только борта грузовиков и тёмные места между ними.

На фронте он умел бояться короткими промежутками. Проползти открытый участок, переждать осветительную ракету, сделать ещё десять шагов. Здесь страх тянулся весь день.

Приходилось есть вместе с ним, мыться холодной водой, слушать, как ночью кашляют остальные. Иногда Александр забывал о нём на несколько минут за работой и потом сердился на себя за это облегчение.

Дверь открылась. Вошёл охранник с листом.

Павел сразу отступил от окна.

— Калинин, — прочёл солдат, разламывая фамилию на слоги. — Завтра после обеда.

Доктор.

Александр кивнул.

Солдат посмотрел на планки, на щит, на пилу в руке Павла. Велел закончить до отбоя. У двери задержался, вытащил из кармана деревянную рукоять ножа с разошедшейся щекой и положил на верстак.

— Это тоже.

Когда он ушёл, Павел подвинул рукоять к Калинин.

— Мастер.

— Сам сделай.

Павел посмотрел на него с сомнением.

— Покажешь?

Александр сел рядом, взял две тонкие дощечки.

— Покажу. Только эту не пили, она мне ещё нужна.

Он дождался, пока Павел закрепит заготовку, и убрал руки с верстака.

3. Белый камень

Дроздов лежал в канаве с вечера и к утру начал ненавидеть муравьёв.

Один полз по шее, другой забрался под воротник. Пётр прижимал подбородок, тёрся о рукав, но руку к горлу не подносил: дорога была слишком близко. Рядом, чуть ниже, устроился Егоров с сумкой. Он не спал. Дроздов узнавал это по тому, как Коля временами осторожно шевелил ступнёй — проверял, не затекла ли.

Белый камень стоял возле поворота. Когда-то на нём были чёрные цифры. Теперь их почти не различали, зато сам камень хорошо просматривался и со стороны леса, и с длинного голого склона, где за ночь успели выбрать место артиллерийские наблюдатели.

Колонну ждали здесь к рассвету.

Немцы начали собирать её ещё накануне. Разведчики видели тягачи, грузовики, два орудия под чехлами. Машины загнали за хозяйственные строения возле леса, по дороге прошла регулировочная команда. Всё указывало на движение через поворот.

Дроздов вытянул губы к уху Егорова.

— Время?

Коля накрыл часы ладонью, чтобы не блеснуло стекло.

— Ещё есть.

— Сколько?

Тот показал пальцами.

Пётр кивнул. Вдалеке, за невысокими деревьями, стояло белёсое зарево. Там, за рекой и полосой изрытых полей, готовилось то, о чём им сообщали только отдельные необходимые вещи. Ночами двигалась техника, по дорогам тянули кабель, на переправах ругались регулировщики. Дроздов видел, сколько людей проходило мимо него к переднему краю, и понимал, что скоро начнётся большое дело.

Пока от него требовалось не дать нескольким немецким машинам проскочить незамеченными.

Двигатель заработал неожиданно громко. Потом второй. Егоров приподнялся на локте, Дроздов нажал ему между лопаток.

Из-за строений вышел мотоциклист. Доехал до камня, остановился. Снял перчатку, достал карту. Через минуту к нему подошёл человек в длинном плаще. Они поговорили, мотоциклист развернулся и поехал назад.

Пётр ждал грузовики.

Вместо них по дороге прошли трое пешех. Сняли маленькую табличку, которую поставили вечером, и унесли её под мышкой.

Егоров повернул голову.

Дроздов показал: лежать.

Они слышали, как машины трогаются, как одна долго буксует и её подталкивают криками. Но звук уходил в сторону. За деревьями коротко блеснула крыша кабины. Потом ещё одна, дальше к северу.

— Чёрт, — выдохнул Пётр.

— Обходят, — прошептал Егоров.

— Вижу.

Они отползли за изгиб канавы. Там удалось подняться на колени. Дроздов смотрел вверх кустов: на старой просёлочной дороге стояла пыль, низкая, серая. Ночью земля сверху подсохла, и каждая машина оставляла за собой короткий шлейф.

Пётр продиктовал сообщение. Егоров записал, переспросил направление.

— Севернее. Через рощу. Белый камень пустой.

Коля полез к станции. Пальцы у него были деревянные от холода; застёжка не поддавалась. Дроздов уже протянул руку помочь, но остановился. Радист сам раскрыл клапан, уложил всё как нужно и только после этого начал работу.

Пока сообщение уходило, на другом конце участка лейтенант Соколов пытался согреть ладони о кружку.

Вода была едва тёплой. Чай давно кончился, и кто-то кинул в котелок кусок сушёного яблока. Оно плавало на поверхности, разбухшее и бесцветное. Лейтенант пил, не замечая вкуса, и смотрел на дорогу, где должен был появиться связной.

Связной пришёл пешком.

— Колонна свернула.

Соколов поставил кружку на землю.

— Куда?

— Севернее. Подтверждают.

Лейтенант достал карту. Дорога через белый камень проходила перед подготовленным участком огня. Северная уводила за складки местности, к деревьям. Там немцы могли выйти ближе к флангу, а могли просто пройти дальше, оставив советскую пехоту ждать на пустом направлении.

— Сержантов сюда, — сказал Соколов.

Он не знал, кто изменил немецкий приказ. Представлял себе офицера, который получил донесение, ткнул пальцем в карту и потребовал ехать иначе. Обычная работа противника. Неприятная, но обычная.

Когда подошёл командир отделения, Соколов показал ему новую дорогу.

— Отсюда смотреть. Ничего не изображать. Увидите развёртывание — сразу доклад.

— А здесь?

— Здесь пока оставим. Всех с места не дёргать.

Лейтенант вернулся к кружке, но вода успела совсем остыть. Он вылил её под ноги и положил разбухшее яблоко на край бруствера. Через несколько секунд сам же взял и съел.

Дроздов с Егоровым перебирались к новому месту наблюдения больше часа. Пришлось обойти открытый участок, пропустить немецкий дозор, полежать возле изгороди, пока за ней переговаривались два солдата. Коля зацепил сумкой колючую проволоку и, вместо того чтобы рвануть, долго распутывал ремень двумя пальцами.

Пётр следил за дорогой и не торопил.

Когда они наконец увидели колонну, та уже миновала опасный поворот. Орудия шли без чехлов. На одном грузовике сидели люди, тесно прижавшись друг к другу, каски покачивались над бортом. Замыкающая машина тащила небольшой прицеп. Дроздов посчитал оси, вернулся к началу, посчитал снова.

Они сохранили всю технику, которую Пётр видел накануне.

— Успели, — сказал Егоров.

Дроздов не сразу понял, о ком он.

Коля смотрел вслед последней машине.

— До огня ушли.

— Пиши количество.

Пётр повернул бинокль к лесу. Между стволами поднималась тонкая труба промышленного корпуса. Там в марте оборвалась связь с Калининым. За прошедшие недели Дроздов несколько раз видел этот дым и всякий раз смотрел чуть дольше, чем требовалось.

Сегодня он заставил себя отвести бинокль.

— И дорогу отметить. Теперь эта нужна.

4. Четвёртый стул

В первый раз стул шатался.

Калинин машинально качнул его ещё раз, проверяя, какая ножка короче. Солдат решил, что пленный отказывается садиться, и толкнул его в плечо. Александр сел. Перекос остался, колено приходилось держать поднятым.

Это было двадцать седьмого марта, через несколько дней после пленения. Дату он запомнил по числу, которое Келлер произнёс в начале записи. Остальное понимал хуже: напряжение, какая-то задержка, фамилии. Перед ним лежал телеграфный ключ, сбоку стоял прибор со светящейся зелёной чертой.

Он ещё не знал Фогеля по имени. Профессор был для него человеком в хорошем сером костюме, надетом под белый халат. На халате не хватало средней пуговицы. На костюме все пуговицы были на месте.

Калинину велели положить руку на пластину.

Он не положил.

Солдат шагнул к двери. Через минуту привёл Павла. Тот стоял босиком, держа сапоги в руках: его подняли, пока он сушил портянки.

— Скажи, что нужно, — распорядился профессор.

Павел перевёл. Александр спросил, что будет с рукой. Павел переспросил по-немецки. Фогель терпеливо ответил длинной фразой.

— Говорит, ничего. Измерение.

Александр посмотрел на него.

— Ты веришь?

— Я перевожу.

Солдат вытащил один сапог из рук Павла, бросил к двери. Второй оставил себе. Ждал.

Калинин положил ладонь на металл.

Ничего не произошло. Пластина была холодной. Ключ оказался исправным, с непривычно тугой пружиной. Александр нажал его один раз, отпустил. В наушнике щёлкнуло. Инженер у приборов поднял глаза.

— Знаете телеграф?

Павел перевёл, хотя Александр и так понял.

— Немного.

Инженер подвинул ему карточку с буквами. Калинин передал их неровно, сбившись на третьей. Сначала намеренно, потом по-настоящему: под кожей пошло мелкое неприятное покалывание. Он попытался убрать руку, солдат удержал запястье.

Профессор велел продолжать.

Во втором опыте на пластине лежала рука самого Вебера. В третьем — Келлера. Ланг ворчал, когда подошла его очередь, но сел без солдата за спиной. Для каждого меняли отметку в журнале. Калинину достался четвёртый номер.

После сеанса он долго не мог удержать ложку. Павел молча поднёс миску ближе, и Александр пил жидкую похлёбку через край. На нижней губе потом остался ожог.

Теперь, пятнадцатого апреля, стул стоял ровно. Калинин успел вырезать под короткую ножку деревянную подкладку. Солдат не заметил, Вебер заметил и ничего не сказал.

На соседнее место усадили другого рабочего — худого человека с припухшим веком. Александр видел его в бараке, но имени не знал. Тот боялся так сильно, что не сразу понял, куда положить ладонь.

Вебер несколько раз менял соединения. Зелёная черта на приборе шевелилась, возвращалась, опять шевелилась. Приёмная лампа не загоралась.

— Ещё раз, — сказал Фогель.

Рабочий смотрел на него, не понимая.

Павел перевёл. На этот раз человек прижал руку сильнее, будто от этого зависел результат.

— Не сила, — раздражённо сказал Вебер. — От давления ничего не изменится.

Калинин следил за его пальцами. Инженер действовал уверенно только там, где узнавал показания. Всё остальное заставляло его останавливаться и заново листать журнал. Александр видел это у хороших мастеров: незнакомую поломку они не пытались скрыть быстрыми движениями.

Рабочего убрали. На его место сел Келлер. С ним прибор отозвался, но номер оказался вторым, хотя соединения оставались выставлены на четвёртый.

Фогель наклонился к экрану.

— Запишите.

— Уже, — сказал Вебер.

Затем посадили Калинина.

Он положил левую руку на пластину. Лампа коротко мигнула. Келлер сделал отметку рядом с цифрой четыре.

Александр посмотрел на Павла.

Тот ничего не сказал. Но теперь они оба поняли, что дело не в свободном стуле.

Фогель заговорил с пленным через переводчика. Обещал дополнительный хлеб, перевод из барака в небольшую комнату возле мастерской, работу внутри, а не на погрузке. Требовалось садиться по вечерам и делать то, что скажут. Продолжительность небольшая. Всё необходимое объяснят.

— А потом? — спросил Калинин.

Павел перевёл.

Профессор не понял вопроса или сделал вид, что не понял. Начал ещё раз объяснять про хлеб.

— После работы куда меня отпустят?

Фогель посмотрел на солдата. Тот стоял возле двери и теперь держал винтовку обеими руками.

— Скажите ему, что его положение улучшится.

Павел повторил по-русски.

— Я услышал.

Вебер закрыл журнал. На его странице было четыре фамилии. Возле фамилии Калинина карандашом приписали вопросительное слово; Александр разобрал только «радист».

— Где учились? — спросил инженер.

— В армии.

— До армии кем работали?

— Столяром.

Фогель что-то коротко сказал. Инженер хотел возразить, но сдержался.

Калинин видел, как меняется положение людей в комнате. До опыта его можно было отправить таскать ящики или вовсе убрать, поставив на место другого. После опыта профессор говорил с ним мягче, а солдат стал ближе к двери. Александр не спутал одно с другим. Хлеба, может быть, и дадут больше. Выйти будет труднее.

Когда их с Павлом повели обратно, у грузового входа стояли пустые машины. В кузов последней загоняли рабочую команду. Один человек оглянулся и махнул Павлу. Тот поднял руку, но охранник велел идти дальше.

— Они за лес, — сказал Павел. — На старую площадку. Там можно было бы.

Калинин задержал взгляд на заднем колесе.

— Знаю.

В столярной он достал из кармана маленькую деревянную подкладку. Перед выходом успел вытащить её из-под ножки. Сам не понимал зачем. Стул опять будет шататься; ему же придётся на нём сидеть.

Александр повертел деревяшку и положил на верстак.

Павел попросил показать, как чинить щеку ножевой рукояти. Калинин подвинулся, освобождая место.

5. Пустой склад

Утром пятнадцатого апреля капитан Осипов смотрел, как с крыши немецкого склада слетает черепица.

Через несколько секунд дошёл звук. Земля под локтями слегка толкнула его снизу. Он дождался следующего разрыва, перевёл бинокль правее и попросил наблюдателя повторить поправку.

— Есть накрытие.

Осипов видел сам. Один снаряд вошёл в торец здания, другой лёг возле железнодорожного ответвления. Через выбитый пролёт повалил серый дым. На путях стоял вагон без крыши, он медленно скрылся за пылью.

Склад должны были поджечь.

Не потому, что капитану нравились красивые пожары. За последние дни сюда несколько раз приходил транспорт. С воздуха заметили разгрузку, наземная разведка уточнила подъезд. Уничтожение запаса затруднило бы снабжение ближайших немецких позиций. Утром Осипов получил подтверждение цели и разрешение на расход снарядов.

Теперь здание разваливалось без тех вторичных взрывов, которых он ждал.

— Может, внутри ещё не достали, — сказал наблюдатель.

Капитан не ответил. Поднёс бинокль ближе. У стены торчало что-то белое, похожее на доски. Ни людей, ни машин. Двор тоже казался пустым.

— Доложите: признаки вывоза, — сказал он телефонисту. — Повторный расход пока не запрашивать.

Тот взял трубку.

В ответ ударила немецкая батарея.

Первый разрыв лёг далеко. Второй — ближе, возле развилки. Осипов пригнулся, сдвинул локтем ком сухой земли. Телефонист продолжал говорить, потом замолчал и посмотрел на аппарат.

— Оборвало.

Капитан уже убирал бинокль.

Нужно было сменить место, восстановить связь, выяснить, откуда стреляют. Склад перестал быть главной задачей. За несколько минут всё, на что потратили ночь, стало устаревшей подробностью, а новую приходилось добывать под огнём.

Соколов услышал первый немецкий снаряд, когда объяснял командиру отделения, где оставить людей.

Он успел только присесть. Воздух ударил в спину; кто-то толкнул его на землю сверху. Лейтенант хотел оттолкнуть чужую руку и понял, что на нём лежит ком земли, сорванный с края укрытия.

— Все здесь? — крикнул он.

Ему ответили с двух сторон. С третьей молчали.

У санинструктора Беловой в этот момент кончалась нитка. Она зашивала оторванный ремень сумки и слышала, как снаружи её зовут. Елена потянула иглу зубами, убрала в ткань и пошла, придерживая незаконченный шов ладонью.

Раненого принесли на шинели.

Он всё время пытался сесть. Двое бойцов удерживали его за плечи, не позволяя поворачиваться. Белова велела положить ровно, освободить место. Один из принесших сразу отошёл, второй остался рядом, повторяя, что ещё минуту назад они разговаривали.

— Я слышу. Дай мне руку освободить.

Она не стала спрашивать, о чём они говорили. Попросила приподнять край одежды, подала перевязочный пакет, поправила чужие пальцы. Раненый смотрел на неё с такой сердитой обидой, будто она задерживала его по пустяку.

— Лежи, — сказала Елена. — Сейчас понесём дальше.

Он хотел что-то спросить, но не смог. Она наклонилась, расслышала про сапог. Правый сапог зацепился за край шинели, нога была неудобно вывернута.

— Поправь ему. Осторожно.

Боец, который всё повторял про разговор, наконец получил понятную работу и сразу перестал говорить.

Наверху снова взорвалось. С потолка посыпалась труха. Елена прикрыла лицо раненого ладонью и сама закрыла глаза. Когда пыль осела, она продолжила перевязку с того места, на котором остановилась.

Осипов добрался до запасного наблюдательного пункта, потеряв по дороге чехол от бинокля. Не заметил где. Телефонист нашёл соединение, но голос в трубке был таким слабым, что капитану пришлось самому прижимать аппарат к уху.

Сообщили о колонне, ушедшей северным путём. Затем назвали время, когда заметили пустой склад. Доклад опоздал: разведчики меняли место, связь с ними шла через промежуточную точку.

— Принял, — сказал Осипов.

Он не обвинял человека на другом конце. Тот сообщил, как смог. Но снаряды уже ушли, а немецкая батарея использовала ответный огонь, чтобы прижать пехоту возле развилки.

Капитан открыл планшет и нанёс новую отметку.

Слева, далеко за полями, загудели моторы. Шла большая колонна своих машин. Движение не прекращалось, хотя передние грузовики пропускали раненых, а регулировщик размахивал флагом так сердито, словно каждая задержка происходила по личному умыслу водителя.

Осипов посмотрел на это движение и попросил связать его с соседями.

Пустой склад означал, что немцы сохранили боезапас. Значит, искать теперь нужно было место, куда его вывезли. У капитана не осталось ни времени на злость, ни свободной линии, чтобы долго объяснять свою неудачу.

В лабораторию подтверждение пришло после полудня.

Рихтер сам принёс его Веберу. Положил на стол рядом с лентой. В сообщении говорилось, что здание поражено, личный состав выведен, основные запасы перемещены. Оставшийся во дворе прицеп сгорел. Один водитель получил ранение при последней поездке.

— Один, — сказал майор. — Вместо всей смены.

Вебер прочёл донесение дважды. Потом попросил время попаданий и сведения о том, когда начали эвакуацию.

Фогель стоял рядом. Сегодня он не прятал удовлетворения.

— Теперь у вас есть независимое подтверждение.

— Есть совпадение предупреждения и события, — сказал инженер.

— Эрнст, достаточно.

Рихтер не вмешался. Он смотрел на карту подъездных дорог. Спасённые машины уже требовались в другом месте; орудия, ушедшие мимо белого камня, нужно было разворачивать. Два правильных решения за ночь давали ему право потребовать от установки большего.

— Сегодня мне нужны сведения о завтрашнем наступлении, — сказал он. — Не о подшипниках.

Ланг, сидевший у своего шкафа, поднял голову.

— С неисправным подшипником у вас вечером вообще ничего не будет.

Майор хотел осадить его, но Вебер уже открыл журнал технических работ. Подшипник заменили утром. На снятой детали обнаружили повреждение, которого при обычном осмотре не заметили бы.

Рихтер посмотрел на третий бланк.

— Хорошо, — сказал он. — На подшипники оставим одну строку.

6. Сначала прочти

Майор Лунёв расправил донесение, которое успели сложить вчетверо, намочить и высушить возле печки.

Лист шуршал, как тонкая кора. В одном месте чернила расплылись. Лунёв подложил под него чистую бумагу и спросил Дроздова:

- Здесь семь или один?
- Семь.
- Машин?
- Тягачей. Машины ниже.

Майор сделал пометку. На краю стола остывала картошка в миске. Кто-то принёс её полчаса назад, когда Лунёв сказал, что сейчас освободится.

Дроздов стоял у двери. На шее у него появились красные пятна от укусов, и он старался не чесаться. Егоров сидел возле печки, разбирая мокрую сумку.

- Когда поменяли маршрут?
- До рассвета. Регулировщик снял табличку. Потом вся колонна пошла через рощу.
- Вас обнаружили?
- Не было признаков.
- Не спрашиваю, были ли признаки. Могли обнаружить?

Пётр помолчал.

- Могли. Но лежали мы далеко от их сборного места. Они туда не смотрели.

Лунёв отложил карандаш.

Два донесения рассказывали почти об одном и том же. Ночью немцы вывезли склад, который утром попал под огонь. Почти одновременно сменили маршрут колонны, для наблюдения за которой уже выбрали место. Такое случалось. Противник умел разведать позиции, заметить подготовку, получить сведения от пленных. Для подозрений требовалось больше, чем два неприятных совпадения.

Но оба решения возникли поздно вечером, после того как немецкие подготовительные работы вроде бы закончились.

- Кто видел их связных?

Дроздов назвал направления, время, мотоцикл у поворота. Лунёв переспросил, к какому корпусу тот вернулся.

- К длинному. С трубой. Где мастерские.

Майор взял другой лист. На нём была старая схема промышленного участка. Короткая железнодорожная ветка, склад, два больших корпуса, спуск к служебным строениям. Часть сведений устарела ещё до того, как схема попала к ним.

Возле одного здания карандашом стоял крестик.

- Там связь потеряли? — спросил Лунёв.

Пётр кивнул.

Калинин пропал во время мартовского поиска. Задачей было установить охрану, назначение подвоза и выходы из промышленного комплекса. В донесениях упоминались генераторы, кабель и усиленная охрана. Ничего про время, будущие сутки и невозможные сообщения там не было.

На обратном пути группа наткнулась на немцев. Дроздов видел Александра последний раз возле низкой кирпичной стены. Калинин прикрывал отход, затем ушёл в пролом. Раненым его Пётр не видел. Мёртвым тоже.

От этого незнания хотелось избавляться любым способом, даже плохим.

- Мы могли бы ещё раз подойти, — сказал Дроздов.

Лунёв посмотрел на него.

— Подойти можете. Что сделаете?

— Посмотрим рабочие команды. Может, кто видел.

— Может. А дорогу кто будет наблюдать?

Пётр не ответил.

Майор подтянул к себе миску, съел кусок холодной картошки и некоторое время жевал, глядя на схему.

— Завтра вам будет чем заняться. Сегодня приведите снаряжение в порядок. Если появится возможность проверить рабочих — проверим. Самостоятельно никого не вытаскивать.

— Есть.

Лунёв повернулся к Егорову.

— Связь?

Коля положил на стол повреждённый провод.

— Заменю. Станция цела. Во время перехода ремень надорвался, тоже надо.

— Успеете?

— Успею, если сейчас не посылать.

Майор кивнул и вернулся к донесению.

Во дворе Дроздов сел на бревно. Егоров устроился рядом с сумкой. Достал иглу, нитку, небольшой кусок кожи, который берёт на такой случай.

— Опять будешь час шить? — спросил Пётр.

— Буду, сколько надо.

— Саня тебе быстро бы сделал.

Коля остановился.

Дроздов пожалел, что сказал. Упоминание Калинина выскочило само собой, как выскакивала его фамилия при делёжке еды или назначении на дежурство. Первые дни после поиска ещё случалось оставить для него кружку. Потом перестали.

— Он бы отобрал, — сказал Егоров. — И сделал.

Пётр усмехнулся.

— Отобрал бы.

— Один раз попросил меня паять. Я только нагрел, он уже руками машет. Дай, говорит, сейчас сам. А потом спрашивает, почему я не научился.

Егоров протянул иглу через кожу, вытащил её плоскогубцами. На пальце осталась вмятина.

— Ты ему сказал?

— Сказал.

— И что?

— Ничего. На следующий день весь вечер рядом сидел. Не давал уйти, пока не доделал. Сам уже засыпает, а меня держит.

Они помолчали. Из-за сарая донёсся смех. Кто-то пытался запустить трофейный мотоцикл и каждый раз получал один громкий хлопок вместо работы двигателя.

— Письмо ему ты принёс? — спросил Дроздов.

— Я.

— Хорошее?

Коля поднял глаза.

— Не читал.

— Он говорил?

— Про стол. Что жена ругается. Остальное не рассказывал.

Дроздов потёр шею. На пальцах осталось немного крови: всё-таки расчесал.

К вечеру Лунёв получил ещё одно сообщение. Наблюдатели видели у промышленного комплекса необычно деятельную охрану. Машины пропускали по одной, рабочих пересчитывали до посадки и после. Во двор прибыл закрытый автомобиль с офицером. Ничего, что позволяло бы уверенно назвать назначение объекта.

Майор сопоставил время приезда со временем вечерних перемещений накануне. Затем написал короткое поручение: уточнить, кто отдаёт распоряжения о движении транспорта, проследить связных, отметить повторяющиеся часы.

Он не вписал туда фамилию Калинина.

Передав лист, Лунёв остановил посыльного.

— И Дроздову скажи: если пленных увидит, описать людей. Не только охрану.

Посыльный повторил приказ и ушёл.

Майор посмотрел на холодную картошку. Поставил миску ближе к печке, хотя печка уже почти погасла, и раскрыл следующую папку.

7. Два журнала

Вечером Калинину дали хлеба больше обычного.

Он разделил добавку пополам и протянул Павлу. Тот не взял.

— Потом попросят.

— Уже просят.

Павел посмотрел на хлеб, отломил от предложенного куска половину. Остальное вернул. Они ели у верстака, не разговаривая. Александр жевал медленно, стараясь не задеть обожжённую губу.

В лабораторию их вызвали вместе. Павлу разрешили остаться переводить, хотя раньше он ждал в коридоре. Возле двери появился второй солдат. На столе перед Фогелем лежали два журнала и вчерашние ленты.

Калинин сразу посмотрел на четвёртый стул. Подкладку кто-то вернул на место.

— Сначала покажите вчерашнее, — сказал Вебер.

Келлер открыл один журнал. Фогель придержал страницу плоской стеклянной линейкой. Калинин не мог прочесть мелкий почерк со своего места, зато видел, что строка короткая. В соседнем журнале на той же высоте стояла гораздо более длинная запись.

Инженер развернул оба к Рихтеру.

— Это входящее тринадцатого. Это моя отправка четырнадцатого.

— Я вижу.

— Тексты разные.

— И что?

Вебер потер переносицу. Потом взял чистый лист, написал две даты. Рихтер отодвинул лист, даже не посмотрев.

— Мне не нужны ваши рисунки. Мне нужен ответ: завтрашняя сводка верная или нет?

— О каком завтра вы спрашиваете?

Майор выпрямился.

Фогель вмешался раньше, чем он успел ответить. Начал говорить быстро, показывая на журналы, на ленту, на часы. Александр разобрал отдельные слова: «сутки», «изменение», «условия». Павел переводил вполголоса, стоя у него за плечом.

— Говорят, написал другое. Вчерашняя бумага не переменилась.

— Какая вчерашняя?

— Которую получил до этого.

Калинин повернулся к нему.

— Он сам себе пишет?

Павел прислушался.

— Так говорят.

Вебер заметил их разговор. Подошёл ближе и спросил, что именно пленный не понял.

Александр подумал, стоит ли спрашивать. Если удастся прикинуться совсем тупым, от него, возможно, отстанут. Но дополнительный солдат у двери уже показывал, насколько на это можно рассчитывать.

— Зачем передавать то, что уже прочитал?

Павел перевёл.

Фогель улыбнулся, словно ждал именно этого вопроса. Вебер не улыбнулся. Взял вчерашний четвёртый бланк и положил перед Калининым.

— Сегодня передадите другое.

— Что?

— Несколько слов. Выберите сами.

Рихтер резко сказал что-то, указав на часы. Профессор ответил коротко и жёстко. На этот раз спор закончился быстро: майор отошёл к карте, а Вебер остался возле стула.

— По-немецки, — добавил он через Павла. — Чтобы можно было проверить.

Калинин посмотрел на ключ.

Ему не нравилась предлагаемая свобода. Выбрать несколько слов, когда за спиной стоят с винтовкой, было похоже на дурную насмешку. Можно отказаться. Можно нарочно сбить передачу. Тогда заставят ещё раз, а Павла уведут или оставят — как решат эти люди.

Он спросил, сколько есть времени.

Павел перевёл. Вебер показал на секундную стрелку и положил возле ключа маленькую карточку с допустимой длиной.

Александр провёл пальцем по краю стола. На дереве осталось гладкое место там, где много раз лежало чужое запястье.

— Отпустите меня домой, — сказал он.

Павел не сразу перевёл.

— Это и передам.

Инженер записал немецкую фразу. Подвинул карточку к Калинину. Тот прочитал, повторил буквы, чтобы не ошибиться. Короткие слова он понимал и без перевода.

Брандт, до этого стоявший у двери, подошёл к столу.

— Никаких добавлений.

Александр посмотрел на него, затем снова на карточку.

В девятнадцать сорок четыре над ключом зажглась лампа.

Калинин начал передачу. Рука слушалась хуже, чем до пленения. Слишком легко хотелось нажать, слишком долго он удерживал первый знак. На середине слова ошибся, дал исправление и вернулся к началу группы. Вебер поднял карандаш, но Келлер жестом показал, что всё в порядке.

Фраза ушла.

Александр убрал руку. Подождал.

Часы продолжали идти. Павел оставался за спиной, солдаты — у двери. Никто не принёс приказ отпустить пленного, не открыл ворота, не исчез со своего места. Калинин почувствовал злость на себя: он ведь и не думал, что так случится. Но всё равно ждал чего-то, хотя бы небольшого изменения в комнате.

Вебер показал новую запись в журнале. Потом вчерашнюю. В ней по-прежнему говорилось о переправе.

— А тот, кто получил? — спросил Александр.

Павел перевёл.

Инженер не ответил сразу. Обменялся несколькими словами с Фогелем, затем сказал короче.

— Мы не можем его спросить.

— Тогда откуда знаете?

Вебер поднял вчерашний бланк.

— Это вы получили. То, что не отправляли сегодня.

Калинин долго смотрел на бумагу.

Он не почувствовал, что понял. Скорее обнаружил, что привычного объяснения у происходящего нет. Где-то человек с его руками сидел за таким же ключом и передавал слова, которых Александр ещё не знал. Или его обманывали так тщательно, что в обман пришлось втянуть десятки людей и переставить настоящий склад.

Келлер отложил исходящий бланк и взял ленты, записанные за ту же минуту на остальных линиях. Пока они говорили с русским, сводки ждали расшифровки. Рихтер вернулся к столу, почти оттеснив Брандта.

На одном бланке упоминалась южная дорога. На другом — батарея, которую завтра уничтожит огонь русских. Вебер попросил прочесть координаты ещё раз. Майор уже звал связного.

Сообщение Ланга касалось нижнего выхода и опор настила.

Калинин поднял голову.

Под этим настилом работала команда Павла. Сегодня они весь день таскали катушки, а завтра должны были занести ещё несколько тяжёлых ящиков. Александр видел одну подгнившую опору и сообщил охраннику. Тот велел закрыть её щитом, чтобы не торчала в проход.

Теперь Ланг показывал на плане то же место.

Павел сжал плечо Калинина. Сильно, через ткань. Он тоже понял.

Брандт обернулся на движение.

— Что?

Павел убрал руку. Объяснил по-немецки, что там работают люди и пленный уже видел повреждение.

Капитан выслушал, забрал соответствующий лист у Ланга и поставил карандашную отметку возле фамилии Калинина.

— Откуда он знал раньше?

Александр попросил перевести вопрос. Выслушал и с трудом удержался от грубости.

— Посмотрел снизу.

Брандт ждал продолжения.

— Дерево сгнило, — добавил Калинин. — Его видно.

Капитан ничего не ответил. Закрыл записную книжку и велел увести пленных.

8. Нина пишет

Стол они начали делать в воскресенье.

Нина потом всегда говорила «мы», хотя Александр отгонял её от досок и разрешил только держать рейку. День был тёплый, окно открыто. Во дворе сушили бельё, и через каждые несколько минут на занавеске появлялась тень от чужой простыни.

Он хотел сделать всё как следует. Хорошие соединения, выдвижной ящик для ложек, край без острых углов. Нина просила самый обыкновенный стол, за которым можно есть.

— Я обыкновенный и делаю.

— С ящиком.

— А что плохого в ящике?

— Пока ничего. Покажи, когда будет.

Она сидела на сундуке и чистила картошку. Очистки падали в старую газету. Александр каждый раз опасался, что они попадут на заготовки, хотя Нина устроилась далеко и не уронила ни одной.

К обеду он собрал основание. Поставил на пол, надавил ладонями, проверил углы. Нина отставила миску и тоже надавила.

— Сидеть можно?

— Это стол, Нин.

— Пока нельзя за ним кушать, может, хоть сидеть можно?

Она засмеялась, увидев его лицо. Александр хотел объяснить, сколько осталось работы, но сам улыбнулся.

Потом его попросили срочно закончить чужой шкаф. Потом понадобились парты. Столешницу он отложил отдельно, чтобы древесина не повелась. Всё собирался принести домой и поставить. Потом уже из части отвечал Нине: «Доделаю».

Калинин проснулся от того, что Павел тянул его за рукав.

— Пойдём. Дали человека.

Он не сразу понял, где находится. Спина упиралась в деревянный щит, во рту было сухо. Уснул сидя, пока ждал разрешения осмотреть нижний проход. Сон занял, наверное, несколько минут, а возвращаться из него пришлось дольше.

— Какого человека?

— Из охраны. Ланг сказал идти. Сейчас, пока погрузку не начали.

Калинин поднялся. Левую ногу отсидел; пришлось постоять, опираясь на верстак. Павел протянул инструмент. Александр автоматически проверил, всё ли на месте, и только потом пошёл.

Внизу пахло сыростью и старой известью. Между стойками были уложены доски, по ним утром должны были протащить тяжёлое оборудование. Под настилом оставался проход, где рабочие укладывали кабель. Если опора не выдержит, людям там некуда будет отступить.

Ланг ждал у лестницы. В одной руке держал лампу, другой отводил от лица провод.

— Покажите, — сказал он через Павла.

Калинин спустился на несколько ступеней, присел, посветил снизу. На торце стойки древесина потемнела. Он осторожно нажал отвёрткой: металл вошёл слишком легко.

Ланг наклонился, увидел и выругался.

Охранник потребовал поторопиться.

— Сам спустишь, — сказал механик. — Посмотри, на чём стоишь.

Тот не спустился, но отступил от края.

Александр начал объяснять Павлу, что нужно принести. Слова шли быстро: доску сюда, временно разгрузить, убрать верхние ящики. Павел повторял по-немецки, запинаясь. Калинин

уже раздражённо махнул рукой, хотел сам показать всё сразу, но заметил лицо товарища и остановился.

— Сначала ящики снять, — сказал медленнее. — Потом остальное.

Павел перевёл. Ланг кивнул.

Через полчаса в проходе стало тесно от людей. Они снимали верхний груз, передавали пустые ящики наверх, выносили повреждённые доски. Калинин работал вместе со всеми. Один раз лампа погасла, пришлось ждать, прижавшись к стене, пока Ланг менял соединение. В темноте люди дышали совсем рядом. Кто-то спросил, нельзя ли оставить всё до утра.

— Утром по этому поедут, — сказал Павел.

Никто больше не спрашивал.

Когда вытащили нижнюю часть опоры, она распалась у Калинина в руках. Снаружи держалась тонкая корка. Внутри дерево было рыхлым, как мокрый хлеб.

Ланг поставил обломок у лестницы, велел не выбрасывать.

Александр посмотрел на освобождённый проход. Дальше, за поворотом, находилась небольшая служебная дверь. Именно через неё Павел надеялся выйти к разгрузочной площадке. Вечером возле двери обычно оставался один охранник, а иногда и вовсе никого.

Теперь Брандт стоял в проёме с двумя солдатами.

Он пришёл проверить сообщение о повреждении. Осмотрел опору, записал фамилии, затем велел до окончания работ закрыть нижний выход и поставить пост у лестницы. С улицы ответили, что приказ понятен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.